

Рауфа Кариева

16+

Они лучше.....

Жизненные истории с участием животных

Рауфа Кариева

Они лучше

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кариева Р.

Они лучше / Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Три моих рассказа о животных написаны с искренними добрыми чувствами к нашим меньшим братьям. С любовью и жалостью. Прекрасным существам, которые делят с людьми Землю и жизнь, посвящается.

Рауфа Кариева

Они лучше

Некоторые открыто заявляют, что любят животных больше, чем людей. Я демонстративно этого не заявляю, но мнение разделяю. Кроме того, к животным, кроме любви, я испытываю еще одно большое чувство. Это жалость. Я жалею всех животных, потому что люди мучают их. Плохо кормят и не лечат, не выгуливают как положено по породе, держат в неволе в ужасающих условиях, как в иных зоопарках, дельфинариях и цирках. Я мечтаю, чтобы все животные были свободны, считая это актуальнее, чем провозглашение свободы для людей. Три моих рассказа о животных написаны с искренними добрыми чувствами к нашим меньшим братьям. С любовью и жалостью.

Прекрасным, в отличие от большинства людей, существам, которые делят с людьми Землю и Жизнь, посвящается.

Бедная лошадь

Эта история произошла в одном из сельских поселений Владимирской области. Деревней это поселение называть никто не смел – говорили «поселок городского типа», или просто «поселок». Но фактически это была настоящая деревня – с огромными огородами, домашними хозяйствами, коровами, козами, курами. И с особым колоритом деревни – «все всё про всех знали».

Шел 1997 год. В поселке был фактический хозяин, он же директор завода. На заводе работало все трудоспособное население поселка – две с половиной тысячи человек, включая приезжающих ежедневно на работу из райцентра и ближайших поселков и деревень. Несмотря на трудности 90-х годов, завод работал успешно, обеспечивая достойную жизнь всему поселку в целом и каждому жителю в отдельности.

Завод обеспечивал жизнедеятельность всего поселка. Не говоря о помощи больнице, школе, Дому культуры – это было само собой разумеющимся, также силами заводских служб проводились ремонтные работы по электрической, сантехнической части в жилых домах жителей, по их отоплению. Завод обеспечивал транспортное сообщение с районным центром, контролировал работу предприятий торговли и вывоз мусора, ремонт дорог. Даже для вспахивания огородов по весне использовалась лошадь из подсобного хозяйства, которое содержало это промышленное предприятие. Завод за свой счет также формировал библиотеку, организовывал культурный досуг жителей. Не могу назвать сторону общественной и экономической жизни поселка и даже личной жизни его жителей, которую бы обошел вниманием завод в лице его хозяина и владельца.

Тогда я сама восхищалась этой «защищенностью» людей, намыкавшись в 90-е в большом городе «на воле». Но все же тяжело воспринимала такую «диктатуру» и «культ личности» в миниатюре, в отдельно взятом поселке, особенно в некоторых вопросах. Вообще не люблю проявлений несвободы в чем бы то ни было. Однако я и тогда осознавала, что есть огромное число причин безмерно уважать этого «диктатора», и тем более – сейчас, по прошествии многих лет, я просто восхищаюсь этим человеком. Изначально обычный деревенский мужик – он «сделал» себя. Хорошее образование, грамотная речь, общая культура, разносторонность интересов, кругозор, внешний лоск, спортивная форма – этакая смесь «Пьера Безухова с Луи Бонапартом». И еще много с кем, не будем «показывать пальцем», и называть имен. Делать исторические обзоры и проводить параллели не является целью моего повествования.

В последующей трудовой жизни я много видела руководителей предприятий, очень хороших, но этот, как оказалось, был самый лучший. Такое количество информации перераба-

тивать за короткие промежутки времени, столько вопросов решать и очень быстро, помнить родословную всех кланов и семей в поселке, одновременно держать в поле зрения и задачи технического перевооружения завода, и программу концерта для ветеранов труда – такое может только необыкновенный человек! И при этом он мог мне в понедельник сделать замечание, что я в субботу не пришла на волейбол – директор заставлял всех заниматься спортом. Помнил ведь...

В этот поселок я приехала случайно, можно сказать: по воле судьбы. И устроилась на работу на этом заводе в должности начальника отдела кадров. Такая должность на любом предприятии в городе подразумевает классический перечень обязанностей, в первую очередь по кадровому делопроизводству. Но только не здесь, в поселке. Понятно, что и мне приходилось вникать не только в вопросы кадрового делопроизводства. Дел было полно с утра до позднего вечера. Специфика работы была во многом. Так, в первые недели работы мне пришлось выучить родословные основных кланов поселка, их генеалогические древа, а также главные события жизни последних десятилетий. В этом мне помогла «пампушка» Лидочка – бессменный работник отдела кадров, «своя, тамошняя», знавшая ВСЁ. Очень я благодарна ей за это. Ведь нужно было докладывать директору, если принимаю на работу парня после армии – чей он сын, внук, племянник и чем отличился его дед, например в 1956 году. Также о специфике работы говорит тот факт, что в моем личном деле были строгие выговоры с лишением премиальных, например, за то, что заводской автобус, который вез на утреннюю смену людей из райцентра, сломался в лесу, а зима была, мороз трескучий. Пока отправили за людьми другой автобус, они промерзли и опоздали на смену. Также «строгач» у меня был за то, что в новогоднюю ночь директор сделал лично рейд на завод и обнаружил подвыпивших рабочих. Аргумент: я плохо веду воспитательную работу с руководителями и рабочими. Тут еще я как-то согласилась, все-таки – люди, дисциплина. Ко мне это имеет отношение. Но вот следующий выговор я сочла несправедливым и очень обижалась: на заводе шла ночная отгрузка продукции и вывезли одну лишнюю машину продукции без документов. Аргумент для выговора – плохая воспитательная работа среди сотрудников охраны – это я считала «перебором». Однако рассказ этот про лошадь, а не про управление персоналом предприятия.

На работу я приходила рано, в восьмом часу утра. Отдел кадров находился прямо у главного входа в заводоуправление. Окна кабинета начальника отдела кадров выходили на главную дорогу поселка. В окно я увидела, как на телеге, запряженной лошадью из подсобного хозяйства, подъехал конюх.

Несмотря на то, что я была в раздумьях о текущих производственных делах, все же в голове у меня, при взгляде на лошадь, пронеслась череда коротких мыслей: «Лошадь беременна. Почему ее запрягли? Когда в отдел кадров наши работницы приносят справки о беременности, так мы их на легкий труд переводим».

Тут в кабинет вошел конюх с каким-то вопросом. Вопрос мы решили, а потом я ему сказала: «Лошадь беременна».

Я – городской человек, в деревне оказалась случайно, ничего про анатомию и физиологию лошадей не знала, я вообще почти никогда не видела лошадей близко, кроме как в детстве, в цирке. Я это сказала, потому что мне так показалось. Интуитивно. По наитию. Может, лошадь на каком-то инопланетном языке передала такую мысль в пространство.

А конюх отвечает мне абсолютно уверенно, со знанием дела, как профессионал: «Да нет, Рашидовна (меня там по отчеству звали), этого не может быть. Тебе показалось. Во-первых, она ни с кем не гуляла – в округе коней нет, во-вторых, ее два дня назад осматривал ветеринар».

Конюх меня почти убедил. К тому же наш ветеринар вызывал у меня доверие. Видно было, какой он образованный человек. Он не только обслуживал все хозяйства с животными в округе, но его часто вызывали в областной центр – город Владимир – к питонам и попугаям. Настолько хорошим он слыл доктором.

Но все же какая-то «занозинка» в душе у меня осталась. Я решила, что просто я всегда была излишне сентиментальна и жалела животных.

Потом дела опять унесли меня в своем бесконечном водовороте, и я забыла об этом разговоре.

Прошло какое-то время. Не помню точно, какое. Но опять утром я нахожусь в своем кабинете и слышу за дверью чьи-то громкие возбужденные голоса, а затем резко открывается дверь моего кабинета. На пороге стоит взъерошенный конюх. Глаза шальные от распирающих его чувств. «Рашидовна!!!», – почти крикнул он. «Откуда ты могла это знать???». На мой вопрос, что случилось, конюх рассказал, что сегодня утром он пришел в конюшню и не поверил своим глазам: рядом с лошадью находился новорожденный жеребенок.

Конюх не мог совладать с чувствами: «Как он мог не заметить? Когда лошадь смогла провести свидание с конем?»

«Бедная, бедная лошадь» – искренне сокрушался конюх. «Ведь и тяжести возила, и огорды пахала, и дополнительно не подкармливали, и во время родов не помогали». Конюх очень расстраивался, что не доглядел. Однако среди причитаний и четко слышался его вопрос ко мне: «Откуда ты знала про беременность лошади?».

Деревня есть деревня. Поползли разговоры на тему незамеченной беременности лошади и моей подозрительной об этом осведомленности.

Я и так там была «белой вороной». Нет, меня не обижали, относились ко мне хорошо. Но я ведь для них была чужая, непонятная – «одета не так, выглядит не так», нерусская, приезжая, с необычной биографией. Первые дни работы на заводе с меня не спускали глаз – это потом, намного позже мне рассказали, когда привыкли и полюбили меня – и шептались: «Фифа какая, привезла 10 пар туфель разных цветов, выставила их в отделе кадров и меняет каждые три часа. Прическу делает как на сцене в театре, красится как балерина, разговаривает по-русски, но глаголы какие-то употребляет – как из старинных книг». Общий вывод: «чужая, с прибабахом». «Не наша».

Конечно, я впервые оказалась в деревне, тем более на таком видном месте! Могла бы быть и поскромнее, не шокировать народ. Да, я собрала коллекцию туфель на каблуках разных цветов – красные, черные, белые, зеленые, коричневые и розовые. Да, я делала сложную прическу в стиле военного времени 40-х годов – высокая волна надо лбом и тяжелый узел на затылке – волосы у меня были длинные. Да, у меня был яркий макияж, но ведь общепризнанно – красивый.

И вот вдруг эта «не наша» – «городская, приезжая, нерусская, чужая» – единственная определила беременность у лошади, тогда как конюх, ветеринар, да и все кто видел и использовал лошадь все это время по хозяйственной работе – исконно сельские жители – не заметили.

Все искренне жалели лошадь, сетовали на свое невнимание. Совсем уж винить всех за невнимательность и отсутствие жалости к животному – я не могу. Все люди там хорошие, сердобольные. Просто как наваждение было, затмение всеобщее – не заметили, и все тут. А я – и так была объектом внимания, так сейчас ну просто стала сельской «звездой».

Пришел ветеринар. То, что он был обескуражен – мало сказать. Сел напротив меня и внимательно так на меня смотрел. Вглядывался. Пытался что-то понять, спрятанное как-будто. Но молчал.

Я размышляла тогда над этим случаем. Я ведь понимала, что та мысль о беременности лошади не была плодом моих знаний, опыта, наблюдений. Нет, она была мгновенной искрой в моей голове, независимым от меня озарением. После размышлений я пришла к выводу, что еще больше неизвестного существует в жизни – независимо от нашего сознания и осознания. Возможно, лошадь испустила какой-то флюид, знак, сигнал «SOS», а я случайно его уловила. И я должна была что-то предпринять, защитить беззащитное существо. А я не сделала этого. Я поверила не своей интуиции, а конюху. А конюх тот, видимо, отлучался по своим делам (пре-

словутый «человеческий фактор»), и не признавался в этом даже сам себе, он все-таки оставлял лошадь без присмотра пастись в лесу. А там и конь из соседней деревни мимо прогуливался. И все остальные жители – они не приглядывались к животному (не своя же, заводская). Там все люди добрые, но очень увлеченные своими делами, так что некогда присмотреться вокруг: вдруг кто-то зовет на помощь.

Жизнь пошла своим чередом, поговорили-поговорили на деревне, да и забыли. И я почти не вспоминала, но иногда выгляну в окно, а там эта труженица запряженная тащит какой-то груз, а рядом, стараясь шагать как можно ближе к матери, идет жеребенок. Красивый такой, мужского пола. И опять у меня по сердцу грусть полоснёт: «Живет на земле существо бессловесное, работает в поте "морды" своей, без усталости, и сказать о своих проблемах не может. И нуждается во внимании, жалости, сострадании. А мы, «цари природы» и «венцы творения», заняты только сами собой...».

Много лет прошло с того дня, а я часто вспоминаю эту историю и говорю себе, как тогда говорили все в деревне: «бедная, бедная лошадь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.